Н.Е. Никонова

ПЕРЕПИСКА В.А. ЖУКОВСКОГО И Ф. ФОН МЮЛЛЕРА КАК ПАМЯТНИК ЛИТЕРАТУРЫ И КУЛЬТУРЫ РОМАНТИЗМА¹

В статье впервые вводится в научный оборот полный корпус писем русского поэта и наставника царской фамилии с веймарским канцлером времени И.В. Гете, поэтом и видным культурным деятелем Ф. фон Мюллером. Переписка охватывает 20 лет и включает в себя более 60 посланий. Выявляются основные сюжеты жизнетворческого эпистолярного диалога двух романтиков, дополняющие важными фактами знания о культуртрегерской деятельности Жуковского и его связях с немецким миром.

Ключевые слова: переписка, В.А. Жуковский, Ф. фон Мюллер, И.В. Гете, романтизм, веймарский классицизм.

Переписка двух поэтов и видных государственных деятелей России и Германии первой половины XIX в. неоднократно привлекала внимание ученых, однако до сегодняшнего дня она осмыслена и издана лишь частично, хотя высокая актуальность этого корпуса документов, важных для понимания литературного и придворного быта России и Европы периода расцвета культур обеих стран, не нуждается в доказательствах. Достаточно вспомнить о ведущей роли канцлера фон Мюллера в институциональной истории веймарского классицизма и сохранении и приумножении его наследия и о сравнимом с нею значении культуртрегерства В.А. Жуковского, поэта, переводчика, мыслителя, покровителя искусств и наставника.

Импульсом к осмыслению переписки послужила выборочная публикация, вышедшая благодаря Адельгейде фон Шорн в 1904 г. на страницах журнала «Deutsche Rundschau» [1]. Эта же ценная под-

¹ Исследование проведено в Томском государственном университете за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00083 «Русская эпистолярная культура первой половины XIX века: текстология, комментарий, публикация»).

борка вошла в ее мемуары о Веймаре. Автографы пяти из десятка частично опубликованных в книге посланий Мюллера хранятся в фонде Жуковского РНБ, в отношении остальных посланий приходится полностью полагаться на свидетельства писательницы. Эта работа привлекла в начале XX в. внимание А.Н. Веселовского, сообщившего сведения о ней русскому читателю [2]. Впервые к папке с бумагами поэта, бережно собранными Мюллером, обратился Е.В. Петухов, указавший на принципиальную важность данных документов и подробно описавший хронологию и содержание данной части эпистолярного наследия русского романтика [3]. Он опубликовал выдержку программного характера из французского письма Жуковского от 12 мая 1846 г., в котором речь идет об «Арзамасе», а также одно предложение из письма без места и даты, поясняющего организующую функцию буффонады и галиматьи арзамасского братства [3. С. 343]. Выборочный русский перевод этих фрагментов включил в свою монографию об А.С. Пушкине и «Арзамасе» М.И. Гиллельсон [4. С. 169], но вырванные из общего контекста эпистолярного диалога фрагменты несколько не поясняли картину общения Мюллера и Жуковского, в которой, как справедливо указывает Р.Ю. Данилевский, «каждая, даже малосодержательная записка находит свое место и свой смысл» [5. С. 159].

Теодор Адам Генрих Фридрих фон Мюллер (1779–1849) родился в Кунройте. Его отец, а до него его дед стояли на службе у семьи Эглоффштейн казначеями. Отношение семьи Эглоффштейн к Мюллерам, которые жили вместе с ними в замке, было патриархальным и очень теплым. Особенно трогательные отношения завязались между Генриеттой фон Эглоффштейн и матерью Фридриха. Позже ее выдали замуж за кузена, от этого брака родились две дочери Каролина и Юлия фон Эглоффштейн, также входившие в круг близких друзей Гете, с которыми Ф. Мюллер тесно дружил уже будучи канцлером при дворе Карла Августа и Марии Павловны.

После курса юриспруденции в университете Эрлангена Мюллер в возрасте двадцати двух лет приехал в Веймар и получил должность в Государственной службе города. В 1804 г. он был назначен советником правительства в Веймаре. Когда в октябре 1806 г. Пруссия капитулировала перед французской армией, Мюллер получил личное поручение от герцога Карла Августа провести переговоры с победите-

лем. От таланта Мюллера-дипломата зависела судьба герцогства. После того как в результате переговоров ему удалось добиться независимости герцогства, Карл Август даровал ему дворянский титул и назначил тайным советником. В 1809 г. Мюллер при посредничестве Гете был принят в масонскую ложу «Амалия» и уже через три года стал государственным канцлером герцогства.

Мюллера ценили не только как одаренного политика и юриста. Высокообразованный и разносторонне одаренный человек, он пользовался благорасположением герцогини-матери Анны Амалии и правившего герцога Карла Августа. В период веймарского классицизма центральной по значению фигурой при дворе был Гете, который сыграл определяющую роль и в жизни Ф. Мюллера. Гете ввел в его в круг самых близких друзей и ценил независимые суждения канцлера. Результатом их встреч стала самая известная из книг Мюллера «Беседы с Гете» («*Unterhaltungen mit Goethe*»). В своем завещании Гёте назначил Мюллера с Эккерманом и Римером хранителем его литературного архива; к тому же он поручил Мюллеру издание своих неопубликованных произведений.

Наследие Фридриха Мюллера как оратора и литератора заслуживает специального внимания. По свидетельству графини Каролины фон Эглоффштейн, он с детства писал стихи и, судя по архивным материалам, поэзия оставалась всегда его искренним увлечением. Сохранившиеся в архиве Гете и Шиллера стихотворения выдержаны в основном в духе дружеских посланий, поэтических посвящений, многие до сих пор не публиковались.

Практически все опубликованные сочинения веймарского канцлера в прозе относятся к жанру исторических мемуаров, основанных на лично пережитых событиях (например, «Воспоминания военных времен 1806–1813» [6]. Современникам он был известен как прекрасный оратор. Он был постоянным участником знаменитых на всю Европу научных и литературных вечеров, организованных Марией Павловной, на которых йенские профессора и веймарские поэты читали лекции, стихи и прозу. При жизни Мюллера вышли в свет отдельными изданиями его речи-некрологи о К. Иммермане «Иммерман в Веймаре» [7] и Ф.Ю. Бертухе «Надгробная речь канцлера фон Мюллера в память о Фридрихе Юстине Бертухе. Издание текста манускрипта 1822 г. для друзей, вновь изданное и снабженное послесловием Фрит-

ца Финка» [8], сочинение о веймарском гетеанце, музыкальном и театральном критике, писателе И.Ш. Шютце «Доктор Иоганн Штефан Шютце. Лекция Фридриха фон Мюллера в литературном кружке Ее королевского Высочества госпожи великой герцогини Саксен-Веймар-Эйзенахской, великой княжны российской» [9]. В архиве веймарского кружка Марии Павловны сохранилась еще одна неизданная речь канцлера в жанре некролога, произнесенная в память об известном в веймарском свете влиятельном советнике и многолетнем помощнике Марии Павловны Антоне фон Цигезаре (1783–1843) [10].

Конечно, самую широкую известность снискали речи Мюллера о Гете, впервые они были объединены В. Боде в издании «Goethes Persönlichkeit. Drei Reden des Kanzlers Friedrich v. Mueller, gehalten in den Jahren 1830 und 1832. Herausgegeben und eingeleitet von Dr. Wilhelm Bode. Berlin, 1901». Эти работы канцлера были хорошо известны В.А. Жуковскому. В личной библиотеке поэта сохранились две речи канцлера, посвященные гению Гете: «Муза королю» («Dem Könige die Muse. 28. August 1827»); «Золотой юбилей Гете» («Goethe's goldner Jubeltag»). Изданные после смерти канцлера его собственные мемуары о военных годах, представляющие собой самую значительную книгу автора, также были известны Жуковскому.

Хвалебные речи, речи по поводу знаменательных событий и памятные речи-некрологи действительно удавались Мюллеру. Канцлер бережно собирал, переписывал и хранил у себя все документы, связывавшие его с близкими друзьями и знакомцами. Самый известный проект Мюллера в этом русле – книга воспоминаний о Гете, над которой автор работал в течение многих лет. Она раскрывает многие грани деятельности поэта, увиденные глазами современника после ухода поэта из жизни, а также политические воззрения Гете [11].

И именно Мюллер стал центральной фигурой среди знакомых Жуковского в городе Гете и главным посредником в его общении с веймарским двором. Их первая встреча состоялась в 1826 г., когда русский поэт проходил курс лечения на водах в Эмсе. Мюллер подарил ему праздничное издание в честь 50-летия Гете, на которое Жуковский мечтал попасть вместе с Александром Тургеневым, с дарственной надписью: «Herrn Hofrath von Joukoffskij zu freundlicher Erinnerung von dem Herausgeber, F. von Mueller. Ems, 1. Aug<ust>».

1826» (Господину надворному советнику Жуковскому на дружескую память от издателя, Ф. фон Мюллер. Эмс, 1 авг<уста> 1826 г.).

Центральной для совместных рассуждений и размышлений о литературе выступает фигура И.В. Гете. Стихотворное поклонение ему Жуковского в отправленном в Веймар четверостишии «К портрету Гете» (1824), затем знакомство с немецким поэтом и создание одического, восхваляющего произведения «К Гете» (1827), которое было известно веймарцам в собственном переводе Жуковского под названием «*Dem guten großen Manne*» (1827) [12. С. 252–256], стали фундаментом для эпистолярного диалога с канцлером, внесшим немалый вклад в создание и поддержание мифа о «немецком гении» и о Веймаре как колыбели немецкой изящной словесности.

Во время первой встречи в Веймаре в 1827 г. Мюллер записал в альбом Жуковского собственные стихи, навеянные гетевским Тассо, которые должны были напоминать русскому романтику о городе, где царит дух поэзии Гете, и о «немногих, но незабвенных часах светлого; душевного общения» с канцлером. Благодаря канцлеру на следующий день Жуковскому представилась возможность прикоснуться к литературной сокровищнице Веймара, рукописям хорошо знакомых ему поэтов, о чем свидетельствует дневниковая запись: «К Миллеру. Бумаги Гердера, Шиллера. Гете и Якоби. *Lettres autographes*» [13. С. 292].

Во время краткого визита 26 августа 1833 г., первого после смерти Гете, поэт записал в альбоме канцлера суждение о сущности человеческой свободы: «*Unsere wahre Freiheit besteht in der Kraft; nein zu sagen*» (Наша истинная свобода заключается в умении сказать нет). Фразу нужно было понимать в христианском гуманистическом смысле: быть свободным означает иметь право выбора между добром и злом, бороться с искушением, поскольку контекстом для такого категоричного заявления послужил недавно вышедший из печати «Фауст», о котором, судя по дневниковой записи поэта, они с Мюллером беседовал в то утро: «Поутру у канцлера Миллера. О Гетевом “Фаусте”» [13. С. 292]. Оригинальное размышление Жуковского о настоящей свободе человеческой души отзовется спустя шестнадцать лет в письме на смерть Мюллера, где он выскажет любимую мысль о мимолетности земной жизни и истинном освобождении после смерти. Однако эти краткие фрагменты дневниковых посвящений не могут дать целостного представления. Полную же картину

диалога мы можем представить себе лишь сейчас, изучив все дошедшие до нас письма обоих авторов.

Переписка двух ярчайших личностей эпохи романтизма сконцентрирована, главным образом, в двух архивах в Санкт-Петербурге и Веймаре и включает в себя более 60 посланий. Рукописи обоих корреспондентов представляют немалую сложность для современного исследователя: послания канцлера написаны по большей части на немецком языке готической скорописью, французские тексты Жуковского более разборчивы, но все же требуют определенных специфических навыков и компетенций, связанных с расшифровкой, модернизацией орфографии и пунктуации, а также переводом на русский язык. Роспись писем, которые удалось датировать, выглядит следующим образом (нумерация в хронологическом порядке):

Ф. фон Мюллер – В.А. Жуковскому

- 1) 27 апреля 1828 г. (на нем. яз.)
- 3) 18 июня 1828 г. (на нем. яз.)
- 4) 10 ноября 1828 г. (на нем. яз.)
- 6) 29 декабря 1828 г. (на франц. яз.)
- 7) 4 января 1829 г. (на нем. яз.)
- 8) 14 октября 1837 г. (на нем. яз.)
- 10) 10 сентября 1838 г. (на нем. яз.)
- 12) 28 сентября 1838 г. (на франц. яз.)
- 14) 23 февраля 1839 г. (на нем. яз.)
- 15) 28 июня 1839 г. (на франц. яз.)
- 19) 18 апреля 1840 г. (на франц. яз.)
- 21) 26 мая 1840 г. (на франц. яз.)
- 24) 20 августа 1840 г. (на нем. яз.)
- 26) 8 сентября 1840 г. (на нем. яз.)
- 27) 14 марта 1841 г. (на нем. яз.)
- 29) 7 марта 1842 г. (на нем. яз.)
- 31) 25 апреля 1842 г. (на нем. яз.)
- 32) 21 июня 1842 г. (на нем. яз.)
- 33) 31 июля 1842 г. (на нем. яз.)
- 35) 22 ноября 1842 г. (на нем. яз.)
- 36) 5 июля 1843 г. (на нем. яз.)
- 38) 30 июля 1843 г. (на нем. яз.)
- 40) 4 октября 1844 (на франц. яз.)
- 41) 17 января 1845 (на нем. яз.)
- 42) 2 декабря 1845 г. (на нем. яз.)
- 45) 10 января 1846 г. (на нем. яз.)

В.А. Жуковский – Ф. фон Мюллеру

- 2) 13/29 мая 1828 г.
- 5) 12/20 ноября 1828 г.
- 9) 23 мая / 3 июня 1838 г., Берлин
- 11) <сентябрь 1838 г.>, Веймар
- 13) 4/16 ноября 1838 г., Венеция,
- 16) < 27–28 августа 1838 г., Веймар>
- 17) 21 июля по новому стилю 1839 г., Петергоф
- 18) 20 октября / 9 ноября 1839 г. Царское Село
- 20) 22 апреля 1840 г. (Дармштадт)
- 22) 14 июля 1840 г. (Дармштадт)
- 23) 31 июля/12 августа 1840 г. (Франкфурт-на-Майне)
- 25) 17/29 августа 1840 г. (Дюссельдорф)
- 28) 2/14 января 1842 г. (Дюссельдорф)
- 30) апрель 1842 г. (Дюссельдорф)
- 34) 2/14 ноября 1842 г. (Дюссельдорф)
- 37) 14 июля 1843 (Эмс)
- 39) 4 августа 1843 г. (Швальбах)
- 42) 9/21 января 1845 г. (Дюссельдорф)
- 43) 2 января 1846 г.
- 44) 5/7 января 1846 г.
- 47) 30 апреля/12 мая 1846 г.
- 49) <июнь-июль> 1846 г.
- 50) <июль-август> 1846 г.

46) 8 мая 1846 г. (на нем. яз.)	52) 15/27 декабря 1846 г.
47) 15 мая 1846 (на франц. яз.)	56) <1848>
48) 12 июня 1846 г. (на нем. яз.)	59) 8/20 октября <1848>, Баден-Баден
51) 18 декабря 1846 г. (на нем. яз.)	
53) 10 февраля 1847 г. (на нем. яз.)	
54) 8 марта 1847 г. (на нем. яз.)	
55) 6 апреля 1847 г. (на нем. яз.)	
57) 12 июня 1848 г. (на нем. яз.)	
58) 12 августа 1848 г. (на нем. яз.)	
60) 25 ноября 1848 г. (на нем. яз.)	

Кроме этих шести десятков посланий сохранились 4 недатированных записки и одно недатированное письмо В.А. Жуковского к канцлеру Веймара, а также письмо Ф. фон Мюллера к супруге в архиве ИРЛИ и известие о его кончине, находящееся в собрании рукописей РНБ. Таким образом, говоря о корпусе переписки, мы подразумеваем 34 рукописных послания Мюллера к Жуковскому и 26 ответных собственноручных писем русского поэта.

В целом указанный корпус текстов представляет собой интересный пример дружеской частной переписки первой половины XIX в., отличающийся от бытового неофициального эпистолярия высоким стилем, ярко выраженной диалогизацией, глубоким психологизмом, полифункциональностью, политематичностью дискурса и полилингвизмом. Вслед за современной гуманитарной наукой под дружеским письмом мы понимаем своего рода гипержанр преимущественно не информативного характера, в функционально-прагматическом плане имеющий в качестве основной задачи организацию и оформление самого общения. Следует согласиться и с тем, что набор составляющих его жанров будет зависеть от экстралингвистических факторов, однако не только от объективных обстоятельств окружающей реальности, но и от установок и мировидения друзей по переписке. В случае, когда в качестве корреспондентов выступают придворные поэты, литераторы и государственные деятели, их многолетний эпистолярный диалог выступает, с одной стороны, важнейшим историко-биографическим источником, а с другой, является литературным памятником, представляя образы авторов и образцы художественного метода каждого из них. Переписку русского и немецкого романтиков следует рассматривать, в первую очередь, как литературное

наследие, изучение которого значительно дополняет понимание того «художественного образа личности», того «символического единства» [14. С. 169], которое создается в слово- и житнетворчестве тем или иным автором и его окружением.

Как отмечал А.С. Янушкевич, собравший большую часть писем В.А. Жуковского для «Полного собрания сочинений и писем», «именно в письмах, не предназначенных для постороннего глаза или, наоборот, ориентированных на коллективное чтение единомышленников, адресант говорил откровенно о том, что имплицитно присутствовало в его творчестве», и «именно в них обозначаются характерные черты литературного быта» [15. С. 108].

В нашем случае возникает устойчивый в немецком литературном быте образ В.А. Жуковского-певца с севера, созданный канцлером фон Мюллером и закрепившийся в кругу веймарских гетеанцев. В первом же письме от 27 апреля 1828 г. читаем: «С самыми заветными чувствами все мы, кто считает себя преданными Вам здесь, ждали любого известия о Вашем самочувствии от каждого путника с севера, беспрестанно посвящали Вам наши самые искренние пожелания» [16. Л. 1]. Это «амплуа» канцлер впервые присвоил Жуковскому в стихотворении 1824 г., отправленном графине К. фон Эглоффштейн, находившейся в Петербурге и сопровождавшей великую княжну Марию Павловну во время ее визита на родину, в ответ на присланные строки оригинала и немецкого перевода «К портрету Гете» (1824). Поэтическое приветствие русскому поэту, с которым канцлер был еще не знаком, гласило: «Dem Nord'schen Sänger auch, der goldne Worte // Zu unsers Meisters theurem Bild fand» (А также северному певцу, который отыскал золотые слова // К дорогому портрету нашего учителя) [17. Вл. 18]. О том, что этот образ стал устойчивым в тесном дружеском кругу, свидетельствует письменная рекомендация, данная Каролиной фон Эглоффштейн 5 августа 1826 г. в Эмсе Жуковскому, собиравшемуся посетить после своего первого визита в Веймар семью Ф. Шиллера: «Der edle Charakter der Nordländer ist von allen Seiten anerkannt, und es macht mir daher eine Freude als Vermittlerin zwischen so trefflichen Menschen stehen und Bekanntschaft stiften zu können» [18. Л. 60] [Благородный характер северян известен всем, и мне радостно выступать посредницей в знакомстве таких прелестных людей]. С годами, по мере развития контактов дру-

зей и изменения статуса Жуковского при дворе, этот устойчивый образ дополняется новыми чертами, связанными с его деятельностью наставника наследника российского престола. 14 октября 1837 г. Мюллер пишет: «Пока я, находясь в спокойном веймарском кругу, жил, в основном, лишь прошлым и часто с тоской смотрел вдаль, Вы своими большими свершениями сделали богатые посевы для будущего и прошли через неизмеримые пространства в двух частях света, чтобы посвятить будущего правителя в его будущее назначение» [16. Л. 9 об.].

Организирующим началом в переписке является литература, музыка и живопись, которые красной нитью проходят сквозь все письма Ф. фон Мюллера. Канцлер исполняет роль наставника, рекомендуя Жуковскому новинки немецкой прозы и поэзии романтизма, отправляет собственные сочинения и внимательно следит за творчеством русского стихотворца. Ни одно развернутое письмо не обходится без интертекста произведений художественной словесности. Таким образом, представляя собой «литературные факты» (Ю.Н. Тынянов) письма Жуковского и Мюллера вбирают в себя литературу как институциональную составляющую и как реальность, альтернативную эмпирической действительности, тем самым реализуя парадигму романтического мировоззрения.

Не менее важное для коммуникативного целого корпуса писем начало, происходящее из действительного общественного положения обоих корреспондентов, связано с жизнью германских и русского монарших домов. В переписке фигурируют имена великих и наследных герцогинь и герцогов княжества Саксен-Веймар-Эйзенахского. Мюллер и Жуковский не только сообщают друг другу о событиях в монарших фамилиях Германии, но и переживают вместе с ними их горести и радости. Одним из последствий близости ко двору и в то же время отличительной чертой эпистолярных контактов Жуковского являются адресованные ему ходатайства, обращенные к русской императорской семье. А.С. Янушкевич определяет этот факт как отличительную черту поведенческого текста Жуковского, отразившуюся в первую очередь, в его эпистолярии и реализовавшую культ филантропии и «целенаправленную гуманистическую программу» [15. С. 119]. Канцлера фон Мюллера вполне можно считать единомышленником русского поэта в этом контексте деятельной «всечеловечности, характерной для XIX века» (Н.А. Бердя-

ев). Выражением двух отмеченных организующих общение по переписке лейтмотивов находим в первом же письме канцлера, инициировавшего эпистолярный диалог.

Первое послание инициировавшего переписку канцлера, отправленное спустя более полугода после визита Жуковского, посвящено этим двум главным коммуникативно-прагматическим задачам: Мюллер отправляет заказанный адресатом том о путешествии по Америке веймарского герцога Бернхарда, сообщает о благосклонном отзыве Гете о послании Жуковского и о литературных трудах немецкого поэта, о визите короля Баварии и его стихотворном посвящении Веймару, а также отправляет свой поэтический ответ королю-поэту, написанный им по поручению Гете, с просьбой «ознакомиться и откликнуться, будучи снисходительным и благосклонным!» [16. Л. 1 об.]. Речь идет о поэтическом посвящении Мюллера Веймару и Гете «Wohl ist sie heilig, wie der Dichter lehret» [19. С. 136]. Спустя два года, в 1829 г., в журнале «Собира-тель» Жуковский публикует свое четверостишие «То место, где был добрый свято!», представляющее, перифраз этих строк и тот самый отклик, о котором просил канцлер [20. С. 135–146].

В этом же послании Мюллера содержится просьба к Жуковскому ходатайствовать перед русским двором о содержании «пожилой и потерявшей зрение Якоби». Из ответного письма Жуковского следует, что речь идет о Марии Гертруде Бринкман (Marie Gertrude Brinckmann, 1744 г. рождения), свекрови Георга Арнольда Якоби (1768–1845), государственного советника Саксен-Веймарского правитель-ства, сына философа Фридриха Генриха Якоби (Friedrich Heinrich Jacobi; 1743–1819), который в свою очередь был младшим братом Иоганна Георга Якоби (1740–1814). Из наследия последнего Жуковский, как известно, перевел в 1815 г. стихотворение «Nach einem alten Liede» («Подражание старой песне»), получившее известность под заглавием «Песня» («Где, фиалка, мой цветок») и положенное на музыку А.Г. Вейраухом. Ф.Г. Якоби-философ был президентом Баварской академии наук, общение с Виландом и Гете в начале 1770-х гг. оказало на него серьезное влияние и привело к полемике с рационализмом Фихте и Шеллинга, его пристальное внимание привлекали христианско-религиозные вопросы. Идеи Якоби-отца, философа-идеалиста, получили непосредственный отклик в переписке с Мюллером, но были известны Жуковскому, вероятно, и

до знакомства с ним. В личной библиотеке поэта сохранилось издание пятитомного собрания сочинения Фридриха Генриха Якоби 1812 г. [21. С. 194 (№ 1367)] с многочисленными пометами. Судя по немецким записям на полях первого тома, который представляет собой письма философского содержания, книгу читала с карандашом в руках и супруга Жуковского. В этом томе содержится большинство карандашных записей и отчеркиваний, их содержание связана с основополагающими понятиями для концепции Якоби, как-то: справедливость, любовь и смерть, одиночество и свобода, религия и вера.

Мюллер посылает Жуковскому памятные цитаты из Ф.Г. Якоби и И.В. Гете, которые имеют программное значение не только для рассматриваемого эпистолярного диалога, но и для понимания образа Жуковского, конструируемого канцлером и запечатлевшегося в кругу веймарских гетеанцев. Выдержка из Якоби станет жизнестроительным кредо Жуковского и получит продолжение в письмах к Мюллеру 1840-х гг. Первая часть памятного послания представляет собой отрывок из «оставленных Фр.Г. Якоби рукописей» («Aus Fr. H. Jacobis nachgelassenen Manuskripten»), посвященный рассуждению о взаимосвязи Бога (Gott) и рассудка/разума (Verstand/Vernunft):

Kapitel VIII.34. Um Gott aus der Vernunft darzutun, muss er als etwas werden. Глава VIII.34. Чтобы разумом понять Бога, следует понимать Его как нечто, разум обуславливающее.

– Wenn die Vernunft ihn bedingt, so ist er nicht. – Если Бога объясняет разум, то Он перестает существовать.

Ibid. S. 85. Der Instinkt weiset, der Verstand beweiset. Um zu beweisen, muss etwas Früheres da sein, voran gewiesen, womit bewiesen wird. Там же С. 85. Инстинкт указывает, разум доказывает. Чтобы доказывать, должно существовать что-то явленное ранее, что служит доказательству. По этой причине существование Бога не может быть доказанным. Иначе основание доказательства будет первичным по отношению к Нему, будет более явственным, чем Он сам.

Die Vernunft aber wäre kein Vermögen der Wahrheit, wenn kein Gott wäre. So wird die Vernunft aus und durch Gott, nicht Gott aus der Vernunft und durch sie bewiesen. Разум, однако же, не был бы прибежищем истины, если бы не существовало Бога. Таким образом, разум существует от Бога и через Бога, а не Бог от разума и через него.

So ferner Kapitel VIII. S. 17. VII. през него.

118 [22. Л. 8].

Так далее Глава VIII. С. 17. VII. 118.

В одном из отмеченных фрагментов в первом томе собрания сочинений Якоби, сохранившегося в личной библиотеке Жуковского в Томске, речь также идет об абсолютном «чистом разуме» (Vernunft): «Es muss, da überhaupt Vernunft vorhanden ist, auch eine reine Vernunft, eine Vollkommenheit des Lebens vorhanden sein. Alle andere Vernunft von dieser nur Erscheinung oder Widerschein» [23. S. 189] [Поскольку существует разум как таковой, должен существовать и чистый разум, некое совершенство жизни. Всякий иной разум перед ним есть лишь кажущееся явление или его отблеск]. Мюллер адресует это посвящение Жуковскому, подразумевая возвышенный религиозно-мистический подтекст, который, характерен для мировоззрения русского поэта, как показалось Гете, порекомендовавшего ему «обратиться к объекту».

К такому выводу позволяет прийти и вторая часть записки, ранее не известная в литературоведении, которая содержит, как указывает канцлер, слова Гете о Жуковском: „Shukowski ist ein so zartes Gemüt, dass man auch nicht auf gewöhnliche Weise ihm Liebe und Achtung beibringen kann. Goethe. Den 6. September 1827“ [22. Л. 8] [Жуковский так тонок душой, что невозможно обычным образом выразить любовь и уважение к нему. Гете. 6 сентября 1827].

Композиция прилагающегося к письму посвящения позволяет заключить, что выдержка из рукописей философа Якоби служит выражением того глубинного чувства интеллектуального и духовного взаимопонимания, которое возникло во время встречи Жуковского и Гете в Веймаре и получило воплощение в письме Мюллера. Этот документ вполне можно считать ответом на стихотворение Жуковского «К Гете», полученное адресатом в немецком прозаическом варианте под заглавием «Dem guten, grossen Manne» на следующий день (следую дате, указанной Мюллером) после высказанного Гете впечатления, которое произвел на него русский поэт. Следует заметить, что в качестве подходящего для такой характеристики Мюллером выбран немецкий религиозно-философский дискурс, в определенной мере предсказывающий мировоззренческие поиски позднего Жуковского [24]. Репрезентативна и дилемма, фигурирующая в выдержках из Якоби и связанная с соотношением Бога и человеческого рассудка/разума. Как известно, многие размышления Жуковского-прозаика будут связаны с вопросами веры, религии, Бога и человека [25, 26].

Жуковскому удалось успешно решить вопрос о восстановлении пенсии для «доброй пожилой» свекрови потомка Якоби, хотя его первое ответное письмо Мюллеру звучало несколько официально: «Полагаю, Вы обвиняете меня в забывчивости и неаккуратности. Если это так, то Вы несправедливы. Мне совершенно невозможно забыть Вас. Вы были так любезны со мной во время моего короткого пребывания в Веймаре, что я не смог бы вычеркнуть Вас из памяти сердца. Неаккуратность же, если таковая и была, произошла не по моей вине» [27. Л. 1].

Второе письмо канцлера фон Мюллера, отправленное спустя всего два с небольшим месяца после первого послания, повторяет сюжетную архитектуру предыдущего. Мюллер просит не оставлять дело Якоби, ходатайствует о делах веймарской графини Рапп, отправляет свое стихотворение на смерть ее сына и сообщает новости о Гете, продолжая последовательно конструировать миф о «великом, добром муже». В частности, из письма можно узнать о реакции Гете на смерть великого герцога Саксен-Веймар-Эйзенахского Карла-Августа (1757–1828): «Мне было больно, страшно сообщать эти горькие известия Гете. Глубоко потрясенный, он воскликнул: “Как бы я хотел не переживать этого”. Однако вскоре он мужественно собрался с силами и теперь с истово старается сделать все от него возможное, чтобы увековечить память светлейшего герцога» [16. Л. 3 об.].

В третьем письме 1828 г. Мюллер сообщает, что Гете «поспешил уехать в Дорнбург на Заале, в пяти часах отсюда, в романтический загородный замок великого князя», где «продолжил опыты в области ботаники и геологии и отстранился от мира» [16. Л. 15 об.]. Он высылает Жуковскому копию альбомной записи Гете, называя его «Фаустом дорнбургской спокойной жизни». Жуковский редко упоминает имя Гете, исключением является письмо от 20 ноября 1828 г., в котором он просит представить немецкому поэту графа М.Ю. Вильгорского.

После смерти Гете в эпистолярном диалоге Жуковского и Мюллера 1830-х гг. его имя, или, скорее, миф о веймарском гении, обретает еще более разностороннее воплощение, чем при жизни. В 1837 г. Мюллер высылает Жуковскому текст и мелодию своего «произведения, самого удачного, исполненного на поминании Гете в масонской ложе» [16. Л. 9]. В данном случае ва-

жен масонский претекст послания (Жуковский, предположительно, также был посвящен в члены масонской ложи Веймара), поскольку канцлер сопровождает свои слова следующей цитатой из стихотворения Маттиаса Клаудиуса (1740–1815): «Der Säemann» „der Adler <...> schüttelt vom Flügel den Staub und // Kehret zur Sonne zurück“ [16. Л. 15] [«Орёл <...> отряхивает пыль с крыла и // возвращается к солнцу»], которая должна принести «утешение». Сюжет произведения Клаудиуса связан с трагической символикой, в образе орла видится бессмертие человеческого духа. Стихотворение было одним из самых популярных масонских гимнов, и его включение в послание Жуковскому не случайно. В личной библиотеке русского поэта издания М. Клаудиуса представлены в виде 5 томов из восьмитомного собрания сочинений немецкого автора, выпущенного в 1790–1812 гг. Указание на принадлежность к масонскому братству придает образам адресатов и образу Гете новые черты.

В этом же письме 1837 г. канцлер анонсирует новое собрание сочинений Гете, выделяя в нем произведение, одноименное с последней неоконченной поэмой Жуковского: «Настоятельно рекомендую последнее издание произведений Гете, 4 тома в четверть листа, с 12 гравюрами от Котты; Вы найдете 103 ранее не опубликованных стихотворения и личные очерки, среди которых несравненный фрагмент “Вечного жиды”. Я очень хочу, чтобы это новое и самое красивое издание было распространено в Петербурге» [16. Л. 9 об.]. Вопрос о соотношении сюжета о вечном жиде в интерпретации Гете и Жуковского, для которого он стал «лебединой песней», еще ожидает своего освещения, но факт непосредственного знакомства с вариацией сюжета в исполнении Гете мы можем констатировать благодаря материалам переписки с Мюллером. К письму канцлер прикладывает также копию письма Гете из Рима к почившей герцогине Луизе Саксен-Веймарской «как пример тех несметных сокровищ, что все еще спрятаны в нашем архиве» [16. Л. 10]. Копия одного письма сама по себе, конечно, вряд ли может быть бесценным литературным сокровищем, но она служит знаком в системе общих для адресата и адресанта духовных координат, артефактом, примером общения поэта и монарха, конструирующим биографический миф придворного стихотворца.

Однако воспоминание о Гете, посещение памятных мест стало лейтмотивом визита Жуковского 1838 г. и личного общения с канцлером. В дневнике Мюллера находится запись от 8 сентября, передающая эту атмосферу и высказывание русского поэта: «Früh 9 Uhr kam Joukowsky zu mir; viel über Goethe's Religiosität gesprochen. Joukowsky äußerte sich über die Vortrefflichkeit des Christentums und über seine Hauptlehren: Demuth und Liebe. <...> Mit ihm im Goethe Hause. "Der Besuch der Räume großer Autoren hat nichts Tristes, sondern viel Belebendes, da er uns vielmehr ihr geistiges Dasein vergegenwärtigt und als fortdauernd zeigt; dagegen mahnt der Besuch der Monumente und Gräfte der Fürsten nur an Vergänglichkeit irdischer Macht"» [«в 9 часов утра ко мне пришел Жуковский; много говорили о религиозности Гёте. Жуковский высказывался о достоинствах христианства и о его главных законах: смирении и любви. <...> С ним в доме Гёте. «Посещение домов великих авторов не имеет в себе ничего печального, однако много животворного, так как они воплощают для нас их духовное бытие и представляют его продолжающимся поныне; напротив, посещение памятников и могил правителей привлекает, являя лишь преходящесть земной власти»] [1. S. 337–338].

К анализируемому корпусу переписки примыкают две альбомных записи, оставленные Жуковским во время этого же визита, первого после смерти Гете, в альбоме канцлера фон Мюллера: «цветком на могилу» немецкому поэту стали строки автоперевода «Воспоминания».

<Из альбома Ф. фон Мюллера>

Von den Geliebten, die für uns die Welt
Durch ihr Mitlieben einst verschönert
haben,
Sprich nicht mit Schmerz: *sie sind nicht mehr*;
Sprich dankerfüllt: *sie waren*.

Воспоминание

О милых спутниках, которые наш
свет
Своим сопутствием для нас животво-
рили,
Не говори с тоской: *их нет*;
Но с благодарностию: *были*.

Вторая запись в альбоме канцлера в тот же день вновь декларирует монархический контекст жизнотворчества Жуковского и Мюллера, посвятивших многие усилия контактам русского и немецких дворов.

<Из альбома Ф. фон Мюллера>

Gott schütz' den Kayser!

Glücklich, beglückend,

Herrsch' Er in mächtiger Glorie!

Herrsch' Er, ein Schreck dem Feind,

Allüberwindend!

Gott schütz' den Kayser!

(Ein Vers aus der russischen

Volkshymne von Joukowsky)

Боже, Царя храни!

Сильный, Державный,

Царствуй на славу нам,

Царствуй на страх врагам,

Царь Православный;

Боже, Царя храни!

Адекватным контекстом для понимания мотивов выбора и стратегии перевода этого немецкого шестистишия Жуковского может служить история создания народных гимнов России и Германии. Впервые русский гимн был исполнен 11 декабря 1833 г. в Большом театре Москвы, второе официальное исполнение состоялось 25 декабря 1833 г. и было приурочено к годовщине изгнания французов и празднику Рождества, за ним последовал указ Николая I о введении «Боже, Царя храни!» на музыку А.Ф. Львова в качестве официального гимна России. Это значимое для Жуковского событие государственного масштаба не могло не послужить поводом для выбора текста альбомной записи. Превращение патриотических песен, созданных на основе английского «God Save the King/Queen», в официальные и неофициальные гимны монарших домов Европы второй половины XVIII – первой половины XIX в. было симптоматичным процессом. Так появились норвежский, датский, прусский («Heil dir im Siegerkranz!») и другие национальные монархические гимны. Тем же образом идея была воплощена и в николаевской России: первая и последняя строки текста Жуковского в точности передают рефрен английского гимна. Немецкий самоперевод был призван скорее осуществлять созвучие общим веяниям, выраженным в гимнах европейских монархий в целом, и немецких национальных песнях в частности, о чем свидетельствуют переводческие решения автора [12. С. 267–269].

Имя Гете в 1840-х гг. еще дважды появляется в посланиях Мюллера. В 1842 г., сообщая о кончине своей невестки (Жуковский был крестным отцом внука канцлера) он обращается к интертексту поэзии Гете, используя цитату из четверостишия, созданного поэтом на смерть своей супруги в 1816 г. для образного описания собственных

горестных чувств: «Да, Ваш бедный маленький крестник, прелестное дитя трех с половиной лет, потерял прекрасную, ласковую и заботливую мать, мой сын – самую преданную, ангелоподобную супругу, моя жена и я – самую любимую дочь, надежду и поддержку в нашей старости. Вы, мой дорогой! чувствуете глубже, чем кто-либо, о чем я говорю – Ваши слезы смешаются с нашими. Я должен воскликнуть вслед за Гете: «*Du versuchst, o Sonne, vergebens, // Durch die düstren Wolken zu scheinen! // Der ganze Gewinn meines Lebens // Ist, ihren Verlust zu beweinen*» [27. S. 160]. Перевод: «Весь смысл моей жизни // В том, чтобы оплакивать утрату ее!». 12 августа 1848 г. Мюллер посылает Жуковскому отсылку к некрологу Гете, вышедшему к десятилетию со дня его смерти во Франкфурте.

Фигура Гете сопровождает дружбу канцлера и русского поэта, выступая неизменным спутником их личных встреч после переезда Жуковского в Германию, поэтому его имя редко встречается в письмах 1840-х гг. Одна из последних встреч авторов посланий описана в сохранившемся среди рукописей В.А. Жуковского в ИРЛИ письме канцлера к супруге. Она произошла в октябре 1844 г. во Франкфурте-на-Майне, куда оба приехали на открытие первого в Германии памятника Гете, представлявшего его во весь рост. Как известно, по случаю прибытия в город этой бронзовой скульптуры работы Л. фон Шванталера был устроен праздник для всех горожан и гостей, а 22 октября 1844 г. состоялось ее торжественное открытие, на которое из всех веймарцев смог приехать только фон Мюллер. Накануне было устроено представление с литературными персонажами Гете в качестве действующих лиц, а на открытии Мюллер сидел рядом с Жуковским: «Было совсем не холодно. Жуковский и я сидели вместе. Было множество знакомых. Музыка и песни были очень хороши. Праздничную речь произнес славный и остроумный доктор Шписс. Она была красивой, но слишком длинной. Но когда со скоростью молнии соскользнула накрывающая драпировка и выдающаяся фигура, обнаруживающая невероятное сходство, по-настоящему величественно появилась под звуки труб и литавр, и под ликование тысяч людей, это был, действительно, неопишимо великий, глубоко трогательный момент! Все головы невольно обнажились, и выразилось всеобъемлющее величайшее восхищение великолепным памятником» [28. Л. 2, на нем.яз.].

И если фигура Гете играет организующую роль скорее как внешний ориентир и коммуникативный повод, то имманентным организующим началом для рассматриваемого диалога как литературного целого выступает память о «милых спутниках», которая становится центральной синестетической единицей эпистолярного дискурса. Воспоминание и поминовение, сохранение памяти об окончивших свой земной путь друзьях обретает различные воплощения: в посылаемых друг другу собственных и чужих поэтических и прозаических некрологах, музыкальных пьесах, альбомных и дневниковых записях, медальонах и портретах, в описании и наделении символическим значением памятных мест, пейзажей и архитектурных памятников. Романтическое моделирование бесконечности жизни за ее горизонтом скрепляет творческую устремленность обоих адресатов в развитии мортального дискурса.

За двадцать лет Жуковский и Мюллер вместе навсегда попрощались более чем с десятком близких обоим людей, с монархами и родными, литераторами и друзьями. Большинство писем не обходится без известия о кончине дорогого человека или памятного отклика по подобному поводу. С одной стороны, этот конститутивный сюжет не может рассматриваться только с художественно-эстетической позиции, поскольку связан с действительными экстра-эпистолярными обстоятельствами, но с другой, его зиждательное положение вполне гармонирует с характером романтизма Мюллера и Жуковского, которые намеренно вербализуют и осознают важность увековечивания образа человека после его ухода, понимая ее как залог бессмертия в своем житнетворческом сродстве. Прежде всего, эта отрефлексируемая обоими направляющая реализуется в осмыслении соответствующего жанра поэтического посвящения или литературно-публицистического некролога в прозе. И если Мюллер окрестил Жуковского «северным певцом», то в письмах Жуковского к 1840-м гг. канцлер получает вполне четкое позиционирование как мастер мемориального жанра, что вполне объяснимо. Так, 18 июня 1828 г. он отправляет русскому поэту свое стихотворение на смерть сына графини Рапп, 10 ноября того же года повторно посылает некролог о великом герцоге «вместе со своей большой памятной речью и описанием масонских траурных церемоний в целом» и сожалеет о смерти Бенкендорфа, в 1840 г. умирает автор арабесок о

Мюхгаузене К. Иммерманн, в память о котором Мюллер выпускает брошюру, в 1846 г. он пишет по такому же поводу об известном веймарском писателе и ученом Л. Шорне. Жуковский же сообщает о трагическом уходе дочери Й. фон Радовица, и это не весь список. Мортальная символика неизменно поддерживается и Жуковским, своего рода некрологи находятся в его посланиях канцлеру, где понятным образом актуализируется религиозно-романтическое миропонимание. Так, 20 ноября 1828 г. он посылает канцлеру через Вильегорского «пьесу, которая выражает чувства относительно кончины нашей обожаемой государыни, доброго ангела России и моей Благотельницы. Переведите и ее; этим Вы соедините колыбель внука с гробом его бабушки» [27. Л. 43]. Осенью 1839 г. говорит о собственной смертности и подходящих старости занятиях литературой, подчеркивая, что с нею «существование есть самое разумное для преклонных лет; с ним незаметно приближаешься к своему концу и покидаешь жизнь, как гостеприимное пристанище, благодаря Хозяина дома за прием и сердечно принимая его приглашение в иное жилище, в котором он будет еще более гостеприимен и любезен». 17/29 августа 1840 г. сообщает о кончине Иммермана следующим образом: «Начну с грустного: Иммермана больше нет. Он умер два дня назад после болезни, длившейся около 9 дней: пагубная нервная лихорадка. Я только что вернулся с его похорон; там я видел, как девяностолетний священник, трясущийся от старости, произносит над его гробом слова Священного Писания: *Erde du bist!* И я бросил две пригоршни земли в могилу Иммерманна: одну от своего имени, а другую от имени его друга Мюллера» [27. Л. 54].

На смерть Шорна Жуковский пишет утешительное послание его вдове и передает его через Мюллера: «я знаю лишь один способ перенести подобное несчастье – это религия, христианская религия. Насколько я знаю г-жу Шорн, я уверен, что ее душа способна доставить ей это высокое утешение. Религия не предлагает обычного утешения, которое отвлекает от боли и, наконец, заменяет потерянное богатство другим. Она из самой боли делает богатство и средство достичь через нее высокого предназначения: когда видишь Господа у могилы того, кого любишь, видишь его лицом к лицу, и он протягивает нам руку – это и есть благословение, связанное с болью, когда принимаешь его по-христиански. Мой дорогой, прошу

вас передать от меня г-же Шорн, как я сочувствую ее несчастью: теперь более чем когда-либо я могу его понять и оценить меру. Мои слова не смогут дать ей облегчения, но ей всегда будет приятно найти еще кого-нибудь, кто скорбит вместе с ней о том, кого она любила» [27. Л. 62].

Выражением романтической философии воспоминания становится и совместная работа Жуковского и Мюллера над некрологом А.И. Тургенева в 1846 г. В 1846 г. в «Москвитянине» Жуковский публикует свой вариант некролога и высылает его канцлеру вместе с французской статьей на его кончину, опубликованной в газете «Le Semeur» [29]. В соответствующем этому поводу французском письме Жуковского читаем: «Землю покинула незапятнанная душа. <...> воспоминания о нем, к которым присоединяются самые знаменательные события моей жизни, останутся общим благом для всей моей семьи. Вы также будете его хранить. <...> Дорогой друг, ваше перо достойно посвятить несколько строк его памяти, чтобы Германия, где у него было столько уважаемых друзей, была достойным образом оповещена о его кончине» [27. Л. 73]. Впоследствии он правит и дополняет некролог Мюллера для «*Allgemeine Zeitung*», авторство которого следует считать совместным. Письма Ал. Тургенева к канцлеру Мюллеру также хранятся в веймарском архиве, пять посланий от 1827–1836 гг. написаны по-французски и по-немецки, и в каждом из них Тургенев справляется или сообщает адресату новости о Жуковском. Последнее из сохранившихся в Веймаре писем Тургенева (от 29 июня 1836 г., из Дрездена) имеет постскрипtum на русском языке в виде знаменитой строки Жуковского: «Для сердца прошедшее вечно!» [30]. Союз Мюллера, Жуковского и Тургенева представлял собой пример характерного духовного содружества, засвидетельствовавшего себя и в эпистолярной культуре отражающей основные символы романтической высокой и бытовой, словесной и поведенческой культуры.

Канцлер в непростые моменты своей жизни обращается к Жуковскому с просьбой написать некролог на собственный уход, а русский поэт посылает ему в ответ аналогичную просьбу в шутовском тоне, что является знаком самых доверительных отношений и символом дружеского послания. Мюллер – Жуковскому: «Я надеюсь найти лучшее подтверждение Вашего благополучия и уверенность в том,

что от меня не потребуется некролог для Вас. Более того, я хотел бы попросить Вас об этом» [16. Л. 51 об.]. Жуковский пишет в ответ: «Заканчивая, предупреждаю Вас, что когда Вы сочините мой некролог и захотите его переписать для аугсбургской газеты, возьмите перо, лучшее чем то, которым вы воспользовались с таким смирением при написании Вашего последнего письма. Возможно, Вы подумали про себя: он не сможет прочесть его, но он меня поймет. Вы угадали верно. Тем не менее, я прошу Господа отдалить момент, когда Вы будете вынуждены выполнить мою просьбу. Будьте здоровы и сохраните ко мне живому дружбу, которую вы сможете так хорошо выразить в моем некрологе» [27. Л. 43].

Речь в письмах Жуковского идет и о встрече с канцлером «за гробом». Отвечая на его просьбу рассказать о самых ярких впечатлениях от путешествия по Италии и Англии, в организации которого Мюллер принимал участие как вдохновитель и создатель его маршрута, Жуковский в один ряд ставит свои краткие афористичные характеристики Англии и Италии с развернутым описанием того места, где всем однажды и навсегда предстоит оказаться: «Прежде, чем умереть, подлинно нужно вновь увидеть Англию не считаясь со временем, чтобы иметь более полное представление о самом прекрасном, что есть на земле; и подольше побыть в Италии, чтобы подготовиться к Небесам, познав самое Божественное в этом мире. Тогда, естественно, я совершу паломничество в Веймар к моему мейстеру Мюллеру, который вдали и вблизи будет дорог мне и будет оставаться таковым до тех пор, пока мы не встретимся там, где нет более ни времени, ни расстояния, там, где не прощаются и не пишут писем» [27. Л. 63]. Таким образом определяющая для всего романтизма тема путешествия также связывается в эпистолярном диалоге с религиозно-эстетическим контекстом.

Религиозно-философское осмысление смерти в духе немецкой духовно-назидательной словесности, импонировавшее Жуковскому, дополняется такого же рода осмыслением жизненного кредо, земного пути и его принципов: залогом верного жизнестроительства Жуковский и Мюллер считают смирение (Demut), и к этой мысли они неоднократно приходят в очном и заочном общении. Во время пребывания в Веймаре в 1838 г. Жуковский оставляет в альбоме невестки канцлера слова: «Demuth ist unser höchstes Ziel» [Смирение есть

наша наивысшая цель], что следует из письма Мюллера, где он просит пояснить «эту прекрасную и глубокую мысль» [16. Л. 11 об.]. В ответном послании из Венеции Жуковский после встречи с итальянским романтиком Манцони, для знакомства с которым он получил рекомендацию от канцлера, пишет: «И со своей стороны (говоря о религии), я имел случай повторить эту мысль, которая родилась в разговоре с Вами в Веймаре, и которая, кажется, распространяет столько ясности на наше предназначение в целом. Я обязан ею Вам; необходимо вернуть Вам ее; но я не знаю, возможно ли мне выразить ее на бумаге с той же ясностью, которая была у меня в момент ее рождения. Однако попробую: «Философы ищут истину позитивную, но никогда ее не найдут; человек не в состоянии ее найти, если бы ее нашли, мир бы закончился; истина есть Бог; для человека Бог непостижим; человеческий разум его никогда не поймет; рассудок не может обнять его безмерность, но вера может полностью принять Его. Какова же цель человека, если ему не дано найти истину, истину позитивную, которая все объясняет и делает его хозяином всего? – Цель человека есть истина прогрессивная, если можно так сказать. Он создан Богом для Бога. Он существует, чтобы непрерывно стремиться к этой высшей цели. Никогда, и в целую вечность он не сможет ее достичь, но с каждым шагом он может к ней приближаться. И каждый шаг, приближающий нас к Богу, вносит большую ясность в мысли о его природе. Чем яснее мы понимаем Бога, тем более наша душа наполняется счастьем. Но что же это за счастье? – Это смирение, то есть забвение себя перед лицом Всевышнего. Смирение есть самое великое достижение человека, ибо все, что теряешь, с одной стороны от знания о самом себе, находишь, с другой, в знании, приобретенном от Бога; и это чувство собственной ничтожности перед лицом Бога есть не что иное, как блаженство души, которая верит, надеется и любит. Что же такое Смирение? Вера, любовь и упование, объединенные в одно чувство. Каково же предназначение человека? Вечно расти в этом Смирении, которое может возрастать, и его может хватить нам на целую вечность в этом мире и вином» [27. Л. 63 об.]. В сущности, это рассуждение по своему содержанию вторит посвящению Мюллера, представляющему выдержку из Якоби, разрешая его противопоставление при рассуждении о первичности Бога и разума.

Наконец, одним из значимых для архитектоники житнетекста переписки Жуковского и фон Мюллера является травелог как содержательная жизнестроительная составляющая, которая тематизируется и концептуализируется обоими. И если канцлер пишет исключительно из Веймара, то послания русского поэта имеют гораздо более разнообразную локализацию: Веймар и Царское Село, Петергоф и Дюссельдорф, Швальбах и Венеция соседствуют в составе писем от Жуковского. От Мюллера он получает инструкции относительно своего итальянского вояжа и поездок по Германии. В ответ канцлер рассчитывает на развернутые в словах пейзажи, самым красочным из которых выходит послание русского поэта, представляющее литературное путешествие, созданное в результате поездки по Европе летом 1839 г.: «Из Регенсбурга я отправился в Мюнхен, где провел две незабываемые недели, наслаждаясь искусством во всем его благородном величии. Овладевшее Мюнхеном развитие искусства напоминает времена Медичи. Если даже в нем нет ни той живости, ни итальянского блеска, то его немецкий характер, со своей способностью глубоко мыслить и простыми истинами, придает ему особую привлекательность. Я плохо выражаю свои мысли и не сумею сделать этого лучше, но в Мюнхене я почувствовал себя живым и счастливым под влиянием искусства, наслаждение коим является самой благородной привилегией благородной человеческой натуры. Перенесясь из Мюнхена через тирольские Альпы прямо в Милан. Однако я не в первый раз в Милане, но вновь был всем очарован, а картинами Брера – глубоко восхищен» [27. Л. 64].

Спустя менее года после волнений, охвативших Германию в 1848 г., Жуковский прочел подписанное сыном и супругой канцлера официальное известие о кончине Фридриха фон Мюллера. На трагическое событие он отозвался посланием к их общему другу А. фон Мальтицу 13/25 октября 1849 г. Романтический элегизм, лейтмотивы переписки с Мюллером – душа и Бог, смерть и жизнь, земное томление – дополняются в нем темой свободы в духе шопенгауэровского пессимизма, что связано с тяжело переживавшимся обоими авторами событий конца 1840-х гг., недугов и трудностей семейной жизни: «Стоит ли сожалеть, что он ушел? Нет! ни нам, ни ему. Он страдал, и мы видели, как он страдает. Теперь все кончено; мы знаем, что смерть есть не что иное, как истинная свобода, та невыразимая сво-

бода, которой обладать в здешнем мире нельзя и не нужно и которая является истинным предназначением и высшим благом для человеческой души; свобода, которая дается только смертью, потому что смерть разрушает все преграды, существовавшие между душой и Богом – целью всего ее существования и всего ее томления. Если душа заслужила право обрести это новое общество, то в тот же миг, когда глаза закрываются для земных интересов, она обретает истинную свободу, каким бы противоречивым это ни казалось» [31. S. 150].

Финальный философско-религиозный пассаж, емкая метафора пути как соединения жизни и смерти, детальная картина перехода в иной мир открывает элегический ракурс Жуковского, в котором объект соединяется с субъектом в едином «мы»: «Мы хотим оставаться на этой земле как можно дольше (пусть не имея возможности достичь здесь высшего блага). Если рассматривать жизнь как дорогу, ведущую к храму божественной свободы, то это замечательно, что путь нельзя сократить от нетерпения. Однако нельзя также и бояться стража, который нам однажды отворит врата этого храма. Если только Бог будет так милостив к нам – когда мы приблизимся к этому последнему земному другу – то глаза наши еще будут отчетливо видеть, а уши наши хорошо его слышать; то мы еще будем обладать достаточной отвагой сердца, чтобы утешительным, нежным голосом сказать будьте здоровы – или скорее до свидания – тем, кого мы должны покинуть» [31. S. 151].

Этот особенный некролог на смерть канцлера Мюллера, отправленный в письме к Мальтицу, завершает почти двадцатилетнюю историю дружеской переписки, в которой как неразрывное целое представлены немецкая и русская литература и живопись, музыка и философия, история и религия, высокий французский и немецкий слог.

Взятые в совокупности более 60 посланий Мюллера и Жуковского представляют пример воплощения «прогрессивной универсальной поэзии» («progressive Universalpoesie»), их дружеская переписка засвидетельствовала неустанные поиски романтиков той идеальной синтетической формы, которая подошла бы для слияния искусства с естественной жизнью, поэзии с философией и риторикой. Романтическая поэзия эпистолярного общения В.А. Жуковского и Ф. фон Мюллера по праву «может быть зеркалом всего окружающего мира, отражением эпохи» (Ф. Шлегель).

Комментированное издание полного корпуса этих писем на французском и немецком языках с русским переводом станет новым словом в современном гуманитарном знании.

Литература

1. *Schorn A., von.* Briefe des Kanzlers F. von Mueller an W.A. Joukowsky // Deutsche Rundschau. 1904. Н. 11. S. 277–287.
2. *Веселовский А.Н.* Из писем канцлера Фридриха фон Мюллера к В.А. Жуковскому // Известия ОРЯС. 1904. Т. IX, кн. 3. С. 339–342.
3. *Петухов Е.В.* Письма В.А. Жуковского к канцлеру Фридриху фон Мюллеру // Сборник статей по славяноведению за 1905 г. СПб.: Типография Министерства путей сообщения, 1905. С. 336–343.
4. *Гиллельсон М.И.* Молодой Пушкин и арзамасское братство. Л.: Наука, 1974. 224 с.
5. *Данилевский Р.Ю.* Россияка веймарского архива // Взаимосвязи русской и зарубежной литератур. Л.: Наука, 1985. С. 145–182.
6. *Müller F.* Erinnerungen aus den Kriegszeiten von 1806–1813. Braunschweig: Verlag Friedrich Vieweg und Sohn, 1851. 310 s.
7. *Immermann in Weimar.* Weimar. ohne. D.
8. Grabrede des Kanzlers von Mueller auf Friedrich Justin Bertuch. Im Wortlaut des 1822 für Freunde gedruckten Manuscriptes neu herausgegeben und mit einem Nachwort versehen von Fritz Fink. Weimar: Fink, 1929. 14 s.
9. *Mueller F. von.* Dr. Johann Stephan Schuetze. Eine Vorlesung im literarischen Abendkreise Ihre Kaiserl. Hoheit der Frau Großherzogin von Sachsen-Weimar-Eisenach, Großfürstin von Russland // Weimar's Album zur vierten Säcularfeier der Buchdruckerkunst am 24. Juni 1840 Weimar, 1840. S. 233–255.
10. *Mueller F. von.* Zum Andenken Anton's Freiherrn von Ziegesar, gesprochen in der Loge am 6. Dezember 1844 in Weimar im literarischen Abend am 28. Januar 1845 // Bl. 436–447ThHSAW, Großherzogliches Hausarchiv, A XXV, № 461. Vortragsmanuskripte zu den wissenschaftlichen und literarischen Abenden (im Nachlass der Großherzogin Maria Pawlowna von Sachsen-Weimar-Eisenach).
11. *Mueller F. von.* Goethes Unterhaltungen mit dem Kanzler Friedrich von Mueller. Stuttgart: J.G. Cotta, 1870. 170 s.
12. Собрание немецких сочинений и автопереводов В.А. Жуковского / Gesammelte deutsche Werke und Selbstübersetzungen von V.A. Žukovskij / Ковалев П.А., Дубовенко К.И., Вишнякова Е.А.; глав. ред.: Никонова Н.Е. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2018. С. 252–256.
13. *Жуковский В.А.* Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. М.: Языки славянской культуры, 2004. Т. 13. 608 с.
14. *Гинзбург Л.Я.* О литературном герое. Л.: Советский писатель, 1979. 223 с.
15. *Янушкевич А.С.* Эпистолярный В.А. Жуковского как отражение и выражение литературного быта его времени // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. № 2 (18). С. 106–119.

16. ОР РНБ. Ф. 286. Оп. 2. № 213.
17. GSA 13 / 170, 1. Bestand Egloffstein Karoline Grdfin v. Egloffstein. Eingegangene Briefe. Mueller. F. v. 1816-1827. Bl. 18.
18. Никонова Н.Е. Письма сестер Эглоффштейн к В.А. Жуковскому: из истории европейской литературы и живописи // Имагология и компаративистика. 2019. № 11. С. 53–96.
19. Веселовский А.Н. В.А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения». Пг.: Жизнь и знание, 1918. 550 с.
20. Никонова Н.Е. В.А. Жуковский и его немецкие друзья. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2012. 336 с.
21. Библиотека В.А. Жуковского: Описание / Сост. В.В. Лобанов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. 414 с.
22. ОР ИРЛИ. № 28167.
23. F.H. Jacobis Werke. Leipzig, G. Fleischer 1812. Bd. I. 404 s.
24. Никонова Н.Е., Дубовенко К.И. Немецкая духовно-назидательная литература как система координат позднего В.А. Жуковского: неизвестные автографы поэта в изданиях книги «Библейский рождественский подарок для взрослых и детей» // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 379. С. 28–35.
25. Айзикова И.А. Жанрово-стилевая система прозы В.А. Жуковского. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. 406 с.
26. Долгушин Д.В. В.А. Жуковский и религиозно-философская культура его времени: дисс. ... д-ра филол. наук. Томск, 2019. 508 с.
27. GSA 68 / 444.
28. ОР ИРЛИ. № 27750.
29. Necrologie: Alexandre de Tourgueneff // Le Semeur, Journal Philosophique et Littéraire. 14 Janvier 1846. Tome XV. 2. P. 43–45.
30. GSA 68/ 475a.
31. Schorn A. von. Das nachklassische Weimar unter der Regierungszeit Karl Friedrichs und Maria Pawlownas. Weimar: Gustav Kiepenheuer, 1911. 353 s.

CORRESPONDENCE BETWEEN V.A. ZHUKOVSKY AND F. VON MÜLLER AS A MONUMENT TO THE LITERATURE AND CULTURE OF ROMANTICISM

Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies, 2019, 12, pp. 38–66. DOI: 10.17223/24099554/12/3

Natalia Ye. Nikonova, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nikonat2002@yandex.ru

Keywords: correspondence, V.A. Zhukovsky, F. von Müller, I.V. Goethe, Romanticism, Weimar classicism.

Research was conducted at Tomsk State University and supported by the Russian Science Foundation (RSF) Grant No.19-18-00083 “Russian Epistolary Culture of the First Half of the 19th Century: Textology, Commentary, Publication”.

The article dwells on the correspondence between the Russian poet and the Tsar's mentor and the Weimar Chancellor, poet and prominent cultural figure F. von Müller. Covering twenty years and including more than 60 letters, the correspondence has never been in the academic focus before. The author identifies the main plots in the life-creating epistolary dialogue of the two romanticists, which provide important facts of Zhukovsky's civilizing activity and his connections with the German world. The epistolary dialogue of the two poets and prominent political leaders of Russia and Germany of the first half of the 19th century has already been discussed by scholars, yet it has never been exposed to public as an integral whole. Meanwhile, the epistolary appears to be of paramount importance for understanding the literary and court life of Russia and Europe during the time of their thriving cultures, suffice it to recall the leading role of Chancellor von Müller in the institutional history of Weimar classicism as well as the preservation and enhancement of its heritage and the role of V.A. Zhukovsky as a poet, translator, thinker, patron of the arts and Alexander II's mentor. Among the main topics of the epistolary dialogue were the myth of Goethe, romantic travelogue, religious-romantic discourse about lowliness during life, and the philosophy of memory. The Goethe's figure has always been present in the friendship of the Chancellor and the Russian poet as a constant focus of attention in their letters and a companion of their personal meetings after Zhukovsky's move to Germany. That is why Goethe's name can hardly be found in the letters of the 1840s. For twenty years of their communication, Zhukovsky and Müller have bid farewell to more than a dozen common acquaintances, monarchs, relatives, writers, and friends. Most of the letters contained information about the decease of a dear person or a memorable response on a similar occasion. On the one hand, this constitutive plot cannot be considered only from an artistic and aesthetic perspective, since it is connected with actual extra-epistolary circumstances, yet, on the other hand, its deplorable position is in harmony with the correspondents' romanticism nature: Müller and Zhukovsky intentionally verbalize and recognize the importance of perpetuating the image of a person after his departure, understanding it as a guarantee of immortality in his life-affinity. First, this vector is realized in the corresponding poetic genre of dedication or the literary and journalistic obituary in prose. While Müller dubbed Zhukovsky as "a northern singer", Zhukovsky considers the Chancellor a master of the memorial genre. Their joint work on the obituary of A.I. Turgenev reflects their philosophy of romantic memory. The correspondence between Müller and Zhukovsky epitomizes "progressive universal poetry" ("progressive Universalpoesie") and tireless romantic search for the ideal synthetic form suitable for art to merge with natural life, poetry with philosophy and rhetoric. The Romantic poetry of the epistolary communication between V.A. Zhukovsky and F. von Müller "can be viewed as a mirror of the whole world, a reflection of the era" (F. Schlegel). The commented edition of the correspondence corpus in French and German with a Russian translation will become a new word in modern humanitarian knowledge.

References

1. Schorn, A. (1904) Briefe des Kanzlers F. von Mueller an W.A. Joukovsky. *Deutsche Rundschau*. 11. pp. 277–287.
2. Veselovsky, A.N. (1904) Iz pisem kantslera Fridrikha fon Myullera k V.A. Zhukovskomu [From letters of Chancellor Friedrich von Müller to V.A. Zhukovsky]. *Izvestiya ORYaS*. 9(3). pp. 339–342.
3. Petukhov, E.V. (1905) Pis'ma V.A. Zhukovskogo k kantsleru Fridrikhu fon Myulleru [Letters from V.A. Zhukovsky to Chancellor Friedrich von Müller]. In: Lamansky, V. (ed.) *Sbornik statey po slavyanovedeniyu za 1905 g.* [Collection of articles on Slavic studies, 1905] St. Petersburg: Tipografiya Ministerstva putey soobshcheniya.
4. Gillelson, M.I. (1974) *Molodoy Pushkin i arzamasskoe bratstvo* [Young Pushkin and the Arzamas Brotherhood]. Leningrad: Nauka.
5. Danilevsky, R.Yu. (1985) Rossika veymarskogo arkhiva [Rossica of the Weimar Archive]. *Vzaimosvyazi russkoy i zarubezhnoy literatur* [The relationship of Russian and foreign literature]. Leningrad: Nauka. pp. 145–182.
6. Müller, F. von. (1851) *Erinnerungen aus den Kriegszeiten von 1806-1813*. Braunschweig: Verlag Friedrich Vieweg und Sohn.
7. Müller, F. von. (n.d.) *Immermann in Weimar*. Weimar: [s.n.].
8. Müller, F. von. (1929) *Grabrede des Kanzlers von Mueller auf Friedrich Justin Bertuch. Im Wortlaut des 1822 für Freunde gedruckten Manuscriptes neu herausgegeben und mit einem Nachwort versehen von Fritz Fink*. Weimar: Fink.
9. Müller, F. von. (1840) Dr. Johann Stephan Schuetze. Eine Vorlesung im literarischen Abendkreise Ihre Kaiserl. Hoheit der Frau Großherzogin von Sachsen-Weimar-Eisenach, Großfürstin von Russland. In: *Weimar's Album zur vierten Säcularfeier der Buchdruckerkunst am 24. Juni 1840*. Weimar: [s.n.]. pp. 233–255.
10. Müller, F. von. (n.d.) *Zum Andenken Anton's Freiherrn von Ziegesar, gesprochen in der Loge am 6. Dezember 1844 in Weimar im literarischen Abend am 28. Januar 1845*. Bl. 436-447ThHSAW, Großherzogliches Hausarchiv, A XXV, № 461. Vortragsmanu-skripte zu den wissenschaftlichen und literarischen Abenden (im Nachlass der Großherzogin Maria Pawlowna von Sachsen-Weimar-Eisenach).
11. Müller, F. von. (1870) *Goethes Unterhaltungen mit dem Kanzler Friedrich von Mueller*. Stuttgart: J.G. Cotta.
12. Zhukovsky, V.A. (2018) *Sobranie nemetskikh sochineniy i avtoperevodov* [Collection of German Works and Auto-Translations]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 252–256.
13. Zhukovsky, V.A. (2004) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 20 t* [Complete Works and Letters: In 20 vols]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.
14. Ginzburg, L.Ya. (1979) *O literaturnom geroe* [About a literary hero]. Leningrad: Sovetskiy pisatel'.
15. Yanushkevich, A.S. (2012) V.A. Zhukovsky's epistolary as reflection and expression of contemporary literary life. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universi-*

teta. *Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 18. pp. 106–119. (In Russian).

16. Department of Manuscripts, Russian National Library. Fund 286. List 2. File 213.

17. GSA 13 / 170.1. *Bestand Egloffstein Karoline Grdfin v. Egloffstein. Eingegangene Briefe. Mueller. F. v. 1816–1827*. Bl. 18.

18. Nikonova, N.E. (2019) Letters from the sisters Egloffstein to V.A. Zhukovsky: From the history of European literature and painting. *Imagologiya i komparativistika – Imagology and Comparative Studies*. 11. pp. 53–96. (In Russian). DOI: 10.17223/24099554/11/3

19. Veselovsky, A.N. (1918) *V.A. Zhukovskiy: Poeziya chuvstva i “serdechnogo voobrazheniya”* [V.A. Zhukovsky: Poetry of feeling and “heart imagination”]. Petrograd: Zhizn’ i znanie.

20. Nikonova, N.E. (2012) *V.A. Zhukovskiy i ego nemetskie друз’ya* [V.A. Zhukovsky and his German friends]. Tomsk: Tomsk State University.

21. Lobanov, V.V. (1981) *Biblioteka V.A. Zhukovskogo: Opisanie* [V.A. Zhukovsky’s Library: Description] Tomsk: Tomsk State University.

22. Department of Manuscripts, Institute of Russian Literature. File 28167.

23. Jacobis, F.H. (1812) *Werke*. Vol. 1. Leipzig: G. Fleischer.

24. Nikonova, N.E. & Dubovenko, K.I. (2014) German ecclesiastical-protreptic literature as the coordinate of late V.A. Zhukovsky: the unknown poet’s signatures in the book *The Biblical Christmas Gift for Adults and Children*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 379. pp. 28–35. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/379/5

25. Ayzikova, I.A. (2004) *Zhanrovo-stilevaya sistema prozy V.A. Zhukovskogo* [Genre-style system of V.A. Zhukovsky’s prose]. Tomsk: Tomsk State University.

26. Dolgushin, D.V. (2019) *V.A. Zhukovskiy i religiozno-filosofskaya kul’tura ego vremeni* [V.A. Zhukovsky and the religious-philosophical culture of his time]. Philology Dr. Diss. Tomsk.

27. GSA 68 / 444.

28. Department of Manuscripts, Institute of Russian Literature. File 27750.

29. Anon. (1846) Necrologie: Alexandre de Tourgueneff. *Le Semeur, Journal Philosophique et Littéraire*. 15(2). pp. 43–45.

30. GSA 68/ 475a.

31. Schorn, A. von. (1911) *Das nachklassische Weimar unter der Regierungszeit Karl Friedrichs und Maria Pawlownas*. Weimar: Gustav Kiepenheuer.